Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Христианство и культура. Клайв Стейплз Льюис.
Если Царствия Небесном нет в тебе, неважно, что ты выбрал вместо него и почему ты это выбрал.
Уильям Лоу
В молодости я верил, что «культурная жизнь» (то есть интеллектуальная и эстетическая деятельность) хороша сама по себе, во всяком случае – хороша для человека. Когда я обратился, лет под тридцать, я все еще в это верил, не задумываясь о том, согласуется ли такая вера с моими новыми убеждениями. В этом туманном состоянии я пребывал до тех пор, когда мне показалось, что поборники культуры что-то преувеличивают. Тогда я очнулся и начал преувеличивать в другую сторону. Я усомнился в ценности культуры. И, естественно, спросил себя: «Зачем же ты тратишь на нее столько времени?»

Неумеренное поклонение «культуре ради культуры» началось, мне кажется, с Мэтью Арнольда; во всяком случае, он первый стал широко употреблять слово «духовный» в смысле немецкого «geistlich». Тем самым он приравнял друг к другу разные уровни бытия. Потом в моду вошел Бенедетто Кроче, в чьей системе эстетическая деятельность – автономная форма «духа», ни в чем не уступающая этике. За ним выступил д-р Ричардс, крупный критик-атеист, который придал «хорошему вкусу» особую, в сущности – сотериологическую ценность. Вкус для него – ключи единственного Царствия, в которое он верит. Наконец, такие взгляды поддержал и христианский автор. В журнале «Theology» за март 1939 г. брат Эвери предложил проверять студентов-богословов – давать им отрывок из мирской книги и смотреть, скажется ли у них тонкий литературный вкус.

Когда я это прочитал, я всполошился. Я не был уверен, что понял брата Эвери – я и сейчас в этом не уверен, – но я почувствовал, что некоторым читателям может показаться, будто тонкий вкус – одно из непременных свойств истинного христианина и люди, его лишенные, дальше от спасения, чем изысканные ценители. Под влиянием минуты я бросился в противоположную сторону. Я обрадовался и возгордился, что во мне поубавилось изысканности. Когда-то мне мешало прийти в церковь и качество гимнов, которые там пели. Теперь я почувствовал к этим гимнам благодарность1. Я был рад, что приходится оставить на пороге церкви нашу драгоценную тонкость вкуса, рад, что больше мне нельзя смешивать душевное и духовное.

Мы особенно горды, когда услаждаемся смирением. Надеюсь, брат Эвери не подумает, что я и сейчас в таком состоянии и так понимаю его слова. Однако проблема остается. Вряд ли кто-нибудь считает всерьез, что тонкий вкус – залог спасения. И все же какова его ценность? Как соотносится культура со спасением? Вопрос этот не нов, но насущным он стал для меня только теперь.

Конечно, я первым делом обратился к Новому Завету. Я увидел, что самые высокие естественные ценности разрешены нам лишь до тех пор, пока они не мешают служить Богу. Если же мешают, приходится жертвовать и глазом, органом чувств (Мф. 5:29), и полом (Мф. 19:12). Отсюда я вывел, что жизнь урезанная, убогая по мирскому счету никак не препятствует спасению, более того – ведет к нему. Еще сильнее на меня подействовали слова о ненависти к отцу и матери (Лк. 14:26) и то, что Спаситель явно ставит невысоко даже Свою естественную связь с Божьей Матерью (Мф. 12:48). Я считал несомненным, что для всякого нормального человека важнее быть хорошим сыном, чем хорошим критиком, и что слова о естественной привязанности тем более относятся к культуре. Хуже всего оказался текст из Послания к Филиппийцам (3:8–9), где праведность по иудейскому закону названа сором; а уж она-то, казалось бы, важнее для духовной жизни, чем культура.

Кроме того, я нашел немало предостережений, возбраняющих нам какое бы то ни было превосходство. Мы должны стать как дети (Мф. 18:3), не называться учителями (Мф. 23:8), бояться, чтобы все люди говорили о нас хорошо (Лк. 6:26). Апостол напоминает нам (1 Кор. 1:26), что среди призванных не много «мудрых в веке сем» (мне кажется, это именно интеллектуалы), и говорит, что мы должны стать дураками в глазах мира, прежде чем обретем истинную мудрость (1 Кор. 3:18).

Текстов, которые можно истолковать в защиту культуры, я нашел немного. Я пытался доказать себе, что мирская мудрость воплощена в волхвах; что таланты в притче включают и таланты в привычном для нас смысле слова; что

наслаждение красотой освящено восхвалением лилий. Какая-то польза науки выводится из слов апостола Павла (Рим. 1:20). Однако я сильно сомневался, относится ли его призыв «Не будьте дети умом» (1 Кор. 14:20) к тому, что мы назвали бы культурой.

В общем, Новый Завет оказался если не враждебным, то уж несомненно безразличным к культуре. Мне кажется, после него мы еще можем считать культуру невинной, но я не думаю, чтобы он помог нам считать ее важной.

И все-таки она, может быть, важна – ведь не все на свете вошло в Новый Завет. Подумав об этом, я обратился к другим книгам. Выбирал я их без системы – не нарочно, а по невежеству. Я стал читать тех, кого знал.

Из великих язычников Аристотель – на стороне культуры, Платон отрицает всякую культуру, которая не ведет хотя бы косвенно к умному постижению добра или к общественной пользе. Джойса и Лоуренса изгнали бы из его государства. Будда, по-видимому, против культуры, но тут я не берусь судить.

Св. Августин считает безумием (dementia) мирское образование и не думает, что оно лучше того простейшего воспитания, которое дают в раннем детстве. Он относится с большим недоверием к своему увлечению церковной музыкой, а трагедию считает истинной язвою: зритель страдает, но упивается страданием, а это – «жалкое безумие» (miserabilis insania).

Св. Иероним, толкуя притчу о блудном сыне, предполагает, что рожки, которые ели свиньи, – это, быть может, «корм бесовский… стихи поэтов, мирская мудрость, велеречие риторов».

Не говорите мне, что отцы Церкви имели в виду культуру языческую. Шкала ценностей не стала с тех пор намного более христианской. В «Гамлете» ставится под сомнение все, кроме того что месть – это долг. Представление о деятельном добре у Шекспира чисто мирское. В средневековом романе высшие ценности – честь и влюбленность; в романе XIX века – влюбленность и благополучие; в романтической поэзии – наслаждение природой (от пантеистической мистики до невинной чувственности) или тоска по нездешнему миру, в который поэт не верит. Конечно, есть исключения, но их немного. Как сказал Ньюмен, «все литературы – это голос естественного человека». И нет сомнения, что внехристианские ценности писателей и поэтов повлияли на многих. На днях я читал в одной ученой статье, что злодеяния таких шекспировских героев, как Макбет, каким-то образом искупаются неким качеством, которое автор называет «величие». Я не хочу сказать, что читатель непременно придет к подобным выводам, но так бывает, и нередко. Словом, если мы хотим возразить отцам Церкви, мы должны помнить, что литература осталась примерно такой, какой была.

У св. Фомы Аквинского я ничего существенного не нашел; но я его плохо знаю и буду рад, если меня поправят. Фома Кемпийский относится к культуре плохо.

Вообще, слов в защиту культуры я нашел очень мало – быть может, я не то читал.

Нашел я знаменитые слова св. Григория (во всяком случае, их приписывают ему). Он говорит, что, пользуясь мирской культурой, мы уподобляемся иудеям, которые пошли к филистимлянам, чтобы наточить свои мечи. Мне такой довод очень понравился, и к нынешней жизни он весьма подходит. Если мы должны обращать язычников, мы обязаны знать их культуру, бить собственным их оружием. С точки зрения св. Григория, культура – оружие, но оружием не пользуются ради него самого.

Поддержка Мильтона меня не обрадовала. Его «Ареопагитика» озадачила меня, как статья брата Эвери. Для него, по-видимому, проблемы нет. Он защищает свободное постижение добра и зла, имея в виду «великие души» и презирая обычных людей, а этого, мне кажется, не вынесет ни один христианин.

Наконец я взял книгу Ньюмена об университетском образовании – и нашел человека, который хотя бы видел обе стороны вопроса. Никто не говорил с таким красноречием о том, как прекрасна культура сама по себе, и никто не обличал так сурово искушения культуропоклонства. Ньюмен четко разграничивает духовное и душевное. Возделывание вкуса, по его мнению, – «от мира сего», создает оно «не христианина, а джентльмена», добродетелью

кажется «лишь издали» и «ни в коей мере не улучшает нас». Однако культура дает «невинное развлечение» в те минуты (или часы), когда ты духовно расслабился «и мог бы предаться греху»; она «уводит душу от душепагубного к предметам, достойным разумного существа». Но и тогда «она не поднимает нас над природой и не помогает нам стать угодными Создателю». Культурные и духовные ценности могут быть обратно пропорциональными друг другу. Сочинение вполне душеполезное теряет в красоте, «как лицо, изможденное слезами и постом». И все же Ньюмен убежден, что свободное познание ценно само по себе; этому посвящена вся его четвертая проповедь. Антиномия разрешается так: все, в том число ум, «обладает собственным своим совершенством. Живое, неживое, видимое, невидимое — благо в своем роде, и к высшей точке этого блага должно стремиться. Совершенствовать ум нужно, как и совершенствовать добродетель, хотя они и абсолютно различны».

То ли потому, что я слаб в богословии, то ли по другой причине, я не смог на этом успокоиться. Я способен понять, что бывает не только нравственное благо — жаба в расцвете сил лучше или совершенней головастика. В этом смысле умный человек лучше глупого, а всякий человек лучше шимпанзе. Трудности возникают, когда мы спросим, сколько времени и сил разрешает нам Бог тратить на то, чтобы стать лучше в этом смысле. Если Ньюмен прав, если культура «не помогает нам стать угодными Создателю», ответ несложен: на нее нельзя тратить ни времени, ни сил. Это вполне разумный взгляд. Быть может, Господь говорит нам: «Такое ваше совершенство — Мое дело, о нем позабочусь Я, а вы занимайтесь тем, что Я вам заповедал ясно: живите, как Я вам сказал». Но если бы Ньюмен думал так, он бы не написал четвертой проповеди. Однако можно предположить (хотя я не помню, чтобы кто-нибудь это предполагал), что наша нравственная обязанность — достигнуть высшего доступного нам вненравственного совершенства. Но если так, то: 1) возделывание ума (или вкуса) и добродетель не были бы «абсолютно различны»; 2) странно, что ни Писание, ни Предание ничего нам об этой обязанности не говорят. Боюсь, что Ньюмен не сдвинул проблему с мертвой точки. Быть может, «тонкость» и хороша. Но если я не угождаю ею Богу, на что она мне?

Разыскания мои убедили меня лишь в том, что не может быть и речи о прежнем моем отношении к культуре. В защиту культуры и занятий ею приходилось (если это вообще возможно) выдвинуть много более скромные доводы, а это было нелегко, ибо вся традиция ученого и тонкого неверия стала казаться мне одной из фаз того восстания против Бога, которое длится с XVI века. В таком состоянии я и принялся за работу.

1. Начал я с самого низа. Сам я занимаюсь культурой потому, что мне надо зарабатывать на жизнь. Тут я с облегчением вспомнил, что, при всем своем максимализме, при всей мятежности, христианство бывает утешительно простым. Иоанн Креститель не говорил воинам и мытарям о том, что они обязаны сейчас же разрушить экономическую и военную систему древнего мира; он просто напомнил им, что надо быть честными (о чем они, несомненно, слышали от матерей и нянек), и отправил заниматься своим делом. Апостол советует фессалоникийцам «делать свое дело и работать собственными своими руками». (1 Фес. 4:11) и осуждает тех, которые «ничего не делают» (2 Фес. 3:11). Словом, нужда в деньгах — простейшее, хотя и невысокое оправдание для многих видов деятельности. Спрос на культуру есть, она еще не насквозь преступна, и, значит, я могу ею заниматься — преподавать, читать лекции, писать статьи, тем более что ни на что другое я, кажется, не способен.

2. Но безвредна ли культура? Конечно, она бывает безвредной. Если бы христианин строил новое общество в пустоте, он мог бы думать, вводить или не вводить в него такую удобопревратную штуку. Но мы не в пустоте. Культурой уже злоупотребили, ее уже испортили и продолжают портить независимо от того, участвуем мы в ней или нет. Поэтому лучше, чтобы среди «культуртрегеров» было больше христиан. Быть может, некоторые христиане даже обязаны заниматься культурой. Чтобы избежать недоразумений, скажу: я не предлагаю христианам брать деньги за одно (за культуру), а давать другое (проповедь). Это было бы воровством. Я просто считаю, что они хоть портить культуру не будут, станут каким-то противоядием. Вы видите, что я дошел примерно до мнения св. Григория. Пойти ли мне дальше, поискать ли в культуре внутреннюю ценность?

3. Когда я спрашиваю, что дала культура мне самому, я могу ответить честно только одно: много радости. Я ничуть не сомневаюсь в том, что радость — благо, а страдание — зло; иначе не имели бы смысла все евангельские слова о помощи ближнему и сами Страсти Христовы. Радость — благо, греховна она лишь

тогда, когда мы ради нее поступились нравственностью, нарушили закон. Радости культуры сами по себе такой цены не требуют, хотя за них нередко и платят такой ценой. Ньюмен прав, они часто отвлекают от греховных наслаждений. Следовательно, мы можем ими наслаждаться и, из любви к ближнему, учить других, как наслаждаться ими.

Это еще очень далеко от проверки богословов на тонкость вкуса, но все же вкус мы воспитывать можем, если культурные радости тонких ценителей действительно глубже, разнообразней и чище, чем радости обычных людей (я бы хотел в это верить, но никто мне еще этого не доказал). Однако заслуги за нами нет.

4. Я говорил выше, что в литературе очень редко встретишь христианские ценности. Чаще всего у нас, европейцев, встречаются: a) честь, b) влюбленность, c) материальное благополучие, d) пантеистическое упоение природой, e) томление по неведомому и нездешнему, f) раскрепощение страстей. Все они — ниже ценностей христианских; но некоторые из них подходят к христианству вплотную, т. е. стоят выше всего нехристианского, как бы прямо под христианством. Ценности (c) и (f) я защищать не буду, это невозможно; если читатель хоть в какой-то мере их примет, он станет хуже, и только хуже. Но остальные четыре — обоюдоострые. К ним подходит речение: «Всякая дорога из Иерусалима должна быть дорогой в Иерусалим». Итак:

a) Для истинного христианина идеал чести — просто искушение, у его мужества — лучшие корни, и тот, кто понял урок Гефсимании, может чести не иметь. Но для тех, кто идет снизу, идеал рыцарства — детоводитель к идеалу мученичества.

b) Путь, воспетый Данте и Патмором, очень опасен. Но скотство, принаряженное «простотой» или даже «порядочностью», не опасно, а смертельно. Не всем дано оскопить свою душу для Царствия. Для многих романтическая любовь — тоже детоводитель.

c) От теизма легко перейти к пантеизму; но бывает и наоборот. Для меня, например, созерцание природы, о котором я узнал от Уордсворта, стало первой, низшей формой благоговения. Если даже на эгом человек остановится, он избежит худшей опасности — материализма; если же не остановится — обратится к Богу.

d) Опасности романтического томления очень велики. Оно может вести к сладострастию и даже к оккультизму. Тут я скажу только о себе. Когда мы обратились, мы думаем о недавних грехах, но потом все больше и больше углубляемся совестью в мерзости прошлого. И вот я еще не способен честно ужаснуться юношескому томлению. Конечно, оно вызвало многое из того, в чем я искренне каюсь; но мне все кажется, что было в нем, в нем самом, и что-то хорошее. Не будь его вообще, я обратился бы позже2.

Я говорю о литературе не потому, что ее одну включаю в культуру, а потому, что ее одну я толком знаю. Обобщить все сказанное можно так: литература — житница или склад лучших внехристианских ценностей. Конечно, ценности эти душевны, а не духовны. Но душу создал Бог, и ценности ее, быть может, — предвосхищение, прообраз ценностей духовных. Человека они не спасут. Они подобны Царствию, как естественная любовь — милосердию, честь — духовной силе, луна — солнцу. Это лучше, много лучше, чем никак на него не походить. Для одних они — доброе начало, для других — ничто. Культура не всех ведет в Иерусалим и многих от него уводит.

И еще в одном смысле культура может вам помочь. В наши дни очень трудно обратить необразованного человека, потому что ему все нипочем. Популярная наука, правила (или «нарушения правил») его узкого круга, политические штампы и т. п. заключили его в темницу искусственного мира, который он считает единственно возможным. Для него нет тайн. Он все знает. Человеку же культурному приходится видеть, что мир очень сложен и что окончательная истина, какой бы она ни была, обязана быть странной. Все же так обратиться легче.

Словом, я пришел к выводу, что культура помогает привести некоторых к Христу. Не всех, конечно, — есть другой путь, он короче и верней. По нему шли тысячи простых душ, но начинали они оттуда, куда нам еще надо прийти.

Нужна ли культура тому, кто уже обратился? Да, наверное. Во-первых, мы

вправе ценить то, о чем я говорил выше, вправе играть под Иерусалимом, смотреть на луну. Во-вторых, не все призваны к чисто созерцательной жизни. Многие славят Бога делами, которые способствуют Его славе лишь потому, что отданы Ему. Если наша работа может быть безвредной и даже полезной, мы вправе делать ее во славу Божью. Тот, кто убирает комнату, и тот, кто пишет стихи, одинаково и на одном условии служат Господу.

Что же до тонкости, она лишь способность, и потому ее можно обратить и к злу, и к добру. Я не хотел бы тонко различать, каким неповторимым, каким изысканным, каким не подвластным ничему кажется искушение похоти или низости. Мне кажется, этот идеал менее безвреден, чем те, прежние. В нем так много противного христианству, что я сильно сомневаюсь, можно ли его окрестить.

Примечания

1

Мы должны с большой осторожностью судить о том, как воспринимают такие вещи необразованные святые люди. Ковентри Патмор пишет: «Он [святой] повторит много раз то, что вы знали с детства; но помните, что для вас все это — пар, для него — твердое тело». (Прим. авт.)

2

Я сказал бы, что романтическое томление — разлитая вера. Ведь капли разлитой жидкости могут помочь тому, кто их слижет и станет искать чашу, откуда они вылились. А для тех, кто еще не может выпить целого глотка, капли даже и лучше. (Прим, авт.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!